
Цзи Чэн доел миску переваренной лапши до последней капли бульона, а напоследок с блаженной миной расправился с говядиной, которую уступил ему Лу Цзюньсянь.

Лу смотрел на его сияющее лицо, потом перевёл взгляд на собственную миску, где оставалась добрая половина нетронутой лапши, и почувствовал что-то похожее на отчаяние.

— Как поедим, сразу поедем? — произнёс он, лениво поворошив лапшу палочками. — Чего-то больше не хочется.

Цзи Чэн проглотил последний кусок говядины и покосился на его миску.

— Не будешь доедать?

Лу Цзюньсянь сам не понял, откуда вдруг взялось это чувство вины. Острое, почти физическое.

Человек съел целую миску переваренной лапши — до дна, ни крошки не оставил — из принципа, чтобы не выбрасывать еду. А он что, позволит пропасть нормальной, свежей, только что приготовленной лапше?

— Если ты не хочешь, то я...

— Хочу!

Лу перебил его раньше, чем Цзи Чэн успел договорить, и уткнулся в миску — молча, с видом человека, выполняющего тяжёлую, но необходимую работу.

Может, он и накрутил лишнего. Но Лу Цзюньсянь был совершенно убеждён: если он отодвинет миску, Цзи Чэн из своей неистребимой бережливости непременно доест за ним.

А это было бы уже... совсем неловко. Он и без того испытывал угрызения совести за ту переваренную лапшу. Если ещё и недоеденное подсунуть — совесть и вовсе взбунтуется.

Так что Лу Цзюньсянь, преодолевая ощущение, что желудок вот-вот лопнет, героически дочистил миску до блеска — и встал из-за стола с видом человека, наевшегося сверх всякой меры.

Взяв поводок, он вывел Маомао во двор, Цзи Чэн потянулся следом. Путь лежал в гараж.

Увидев машину, Лу Цзюньсянь почти сразу пожалел, что вообще сюда пошёл.

Садиться за руль не хотелось совершенно. Переесть и сесть за руль — хуже наказания не придумаешь.

Он покрутил в пальцах брелок, повернулся к Цзи Чэну, который стоял рядом с безмятежным видом.

— За рулём сидеть умеешь? Может, ты поведёшь?

Цзи Чэн помолчал. Покачал головой.

Лу кивнул — особого удивления не было. Многие получают права на каникулах, в каникулы летние или зимние. А такой парень, как Цзи Чэн, который вкалывает не разгибаясь, вряд ли станет тратить на это время. Тем более что автошкола нынче влетает в копеечку, а у него ещё долги семейные висят.

— Тебе плохо? — Цзи Чэн заметил его колебание.

— Нет, просто объелся. Не хочу за руль — но ничего, поехали.

Лу потянулся к дверце, но Цзи Чэн придержал его за рукав.

— Может... на мопеде? Я повезу.

Лу Цзюньсянь опешил. Покосился на электромопед, стоявший у ворот виллы, и фыркнул.

— Маомао тоже с нами. Она влезет?

— Она сядет спереди.

Лу Цзюньсянь:...

Взвесив всё как следует — машина против мопеда, сытый желудок против воли к действию, — он всё-таки выбрал мопед.

Вышли за ворота. Цзи Чэн откинул сиденье, порылся внутри и извлёк пару пушистых перчаток, протянул Лу.

— Ветер холодный, наденьте.

Лу принял перчатки, прикинул на руку, поймал порыв ветра и поморщился. Только сейчас он

сообразил, на что согласился — холодная зимняя ночь, открытый мопед, ни намёка на защиту от ветра.

Хотя перчатки он всё равно надел — Цзи Чэн смотрел с таким ожиданием, что возражать язык не повернулся. В конце концов, свежий воздух после плотного ужина — не такая уж плохая идея.

Едва Лу застегнул перчатки, как Цзи Чэн уже разматывал шарф — и в следующую секунду несколькими ловкими движениями обмотал его вокруг шеи Лу, плотно, виток за витком.

— Ветер холодный, вот.

Лу Цзюньсянь:...

Он приподнял подбородок, пытаясь выбраться из мягких объятий шарфа, и собрался было сказать, что немного ветра ему не повредит. Но тут на его голову опустился шлем.

— Ветер холодный, и это тоже наденьте.

Лу Цзюньсянь:...

Он поморгал сквозь стекло визора. Вот тебе и свежий воздух. Укутанный по самые уши, обмотанный шарфом, в перчатках и шлеме — какой уж тут ветер.

— Ты всё себе отдал. Сам в чём поедешь?

Цзи Чэн похлопал по ветрозащитному фартуку мопеда.

— Мне этого хватит.

Сказав это, он нагнулся к Маомао, почесал её за ухом — ловко, уверенно, как и всё, что делают люди, привыкшие работать с животными. Золотистый ретривер блаженно зажмурился.

— Маомао, залезай. — Цзи Чэн повёл собаку к мопеду, придерживая поводок.

Маомао поглядела на хозяина, подумала пару секунд и послушно запрыгнула на подножку, покрутилась, устраиваясь поудобнее, и замерла.

Молодая ещё была — как раз помещалась.

Лу Цзюньсянь не нашёл что возразить и занял место позади Цзи Чэна.

Небольшой мопед в одночасье оказался набит под завязку.

Цзи Чэн завёл двигатель и тронул — плавно, без рывка.

Ехал он медленно. Не хотел, чтобы Лу мёрз.

Маомао впервые в жизни ехала вот так — нос в ветер, уши назад. Она немедленно высунула голову за борт ветрозащитного фартука и с восторгом уставилась на ночные огни.

Лу тоже смотрел на огни. Ветер почти не чувствовался — слишком много слоёв одежды, — но воздух был свежим, и это нравилось. Что-то в этой ночной поездке по пустым улицам напоминало ему студенческие годы: ночные велопрогулки, никакой спешки, никаких дел.

— Холодно вам?

Цзи Чэн приподнял голос, перекрикивая шум колёс.

Лу не расслышал — смотрел куда-то в сторону, думал о своём.

Мопед сбавил ход, почти остановился.

— Холодно?

На этот раз Лу услышал. Взглянул вперёд — и увидел уши Цзи Чэна. Красные от холода, почти пунцовые.

Улыбнувшись, он потянулся и осторожно прикрыл их ладонями в перчатках.

— Холодно тебе, а не мне. Это нынче так фанаты об идолах заботятся?

Тепло накрыло уши внезапно. Цзи Чэн ощутил, как по ним разливается жар — в секунду, в одно мгновение, — и хорошо ещё, что Лу их и закрыл, иначе покраснение было бы слишком заметным.

— Фанаты, конечно, любят своих идолов, — ответил Цзи Чэн с таким видом, будто это само собой разумеется.

Лу засмеялся.

— Ладно. Я тоже фанатов люблю — взаимно. Уши грею, а ты езжай давай.

Цзи Чэн промолчал. В груди колотилось что-то неуправляемое, тёплое — и он, не отвечая, крутанул ручку газа. Мопед весело рванул вперёд.

К студии добрались уже после восьми.

В такое время здесь было почти пусто — только несколько усердных новичков на вечерних тренировках.

Припарковав мопед, Лу Цзюньсянь принялся снимать с себя всё, что на него нацепили: перчатки, шлем, шарф. Цзи Чэн принимал вещи одну за другой и убирал. Когда в руках оказался шарф, он задержал его на секунду — прижал к ладоням, согреваясь.

Руки замёрзли. А шарф хранил тепло.

Лу не заметил. Он смотрел на уши Цзи Чэна.

— Уши холодные?

Цзи Чэн ощутил, как уши вспыхивают заново. Торопливо помотал головой и сложил шарф, убрал подальше.

Лу улыбнулся, взял поводок и повёл их обоих внутрь.

— Жаль, что зима. Летом — выехать ночью на мопеде, поесть где-нибудь... Это было бы здорово.

Цзи Чэн шёл следом, слушал и вдруг поймал себя на том, что очень хочет, чтобы лето наступило поскорее.

— Одному неинтересно, — произнёс он тихо.

Лу Цзюньсянь обернулся — решил, что у парня просто нет друзей, с которыми можно вот так выбраться, — и почувствовал что-то похожее на жалость. Протянул руку, взъерошил ему волосы — как утешение.

— Ну и зачем одному? Меня зови. Я, если не на съёмках, дома сижу и пишу. Летом кто-нибудь зовёт на ночные посиделки — я только рад.

Зовёт на ночные посиделки...

Цзи Чэн внутренне ахнул. Это ведь ещё один повод встретиться. Не считая автографа.

— Хорошо, — сказал он, строго контролируя голос, чтобы не выдать себя. — Вдвоём — совсем другое дело.

Лу усмехнулся и толкнул дверь.

Костюмерная оказалась просторной, почти роскошной. Лу включил кондиционер, огляделся и повернулся к Цзи Чэну.

— Снимай куртку.

Прикрыл за собой дверь — и добавил, ни секунды не сомневаясь в том, что говорит.

Цзи Чэн замер.

Лу уже не смотрел на него — шёл вдоль стеллажей, читая ярлыки. Открыл один из шкафов: внутри рядом в ряд висели мужские костюмы — расшитые, парчовые, явно из какого-то исторического жанра.

Обернулся — и увидел, что Цзи Чэн стоит на том же месте, держась за молнию рабочей куртки курьера и не двигаясь. Уши стали красными ещё на тон.

Лу Цзюньсянь посмотрел на него, потом — на его несчастный вид — и рассмеялся.

— Что такое? Нас здесь двое. Я же не сказал — всё снимай. Чего смущаться?

Цзи Чэн молча опустил голову и потянул молнию — ровно, до конца. Куртка слетела. Под ней оказалось то самое худи, в котором Лу видел его сегодня.

— Ты в одном этом, и не мёрзнешь?

Цзи Чэн покачал головой. Ухватился за край худи, посмотрел на Лу — весь его вид говорил: одно слово, и снимет.

— погоди. Я выберу тебе костюм, переоденешься в примерочной. Что у тебя с ушами...

Лу взял сантиметр и быстро снял мерки — без церемоний, деловито. Цзи Чэн стоял смирно.

Потом Лу вернулся к шкафу, поглядывая то на вешалки, то на Цзи Чэна, и выбрал несколько костюмов — те, что, на его взгляд, подходили по типажу.

— Это мои размеры, так что сядет не идеально. Ничего, главное — посмотреть, как тебе идёт историческое.

Цзи Чэн принял стопку одежды и только сейчас как следует огляделся. До него вдруг дошло: это не обычная студийная костюмерная.

— Все эти вещи... ваши?

— Мои. Точнее — мама сшила. Она дизайнер одежды, любит делать мне костюмы разных эпох. Большинство моих сценических нарядов тоже её работа. Сам я это почти не ношу.

Лу объяснял про маму, про костюмы — а Цзи Чэн слышал только одно: это одежда Лу Цзюньсяня. Его вещи. И он сейчас будет их примерять.

Волнение накрыло новой волной.

— Иди переодевайся, там примерочная за занавеской. Нас двое, посторонних нет, не нервничай.

Лу мягко подтолкнул его за занавеску и опустился на диван. Достал телефон, нашёл гифку с Цзи Чэном, ещё раз посмотрел и почувствовал, как внутри разгорается предвкушение.

Долго ждать не пришлось — занавеска зашевелилась, и в щели показалась голова Цзи Чэна.

— Уже? — Лу подался вперёд.

Цзи Чэн сжал занавеску двумя руками. Уши пылали. На лице — чистейшее смущение.

— Я не умею надевать...

<http://bllate.org/book/20688/2119530>